

Л.С. ЕФИМОВА

АЛҒЫС САХА (ЯКУТОВ): АРХАИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА
(на основе кластера «Дух-хозяин огня»)

Мақалада сахалардағы алғыс жанрының көне лексикасына кластерлік талдау жасалған.

Makalede Saha Türklerindeki 'alkış' gelenyinin eski söz yapısına tahlil yapılmıştır.

На современном этапе развития науки стало возможным проведение анализа культурных явлений, изучение истории развития культуры с позиций лингвистики. Лингвистическими методами заметно расширяется и обогащается понимание сущности самой культуры.

Лингвокультуроведение – «междисциплинарная наука, которая выясняет, как в слове аккумулируются культурные смыслы и как слово способствует функционированию культуры» [Хроленко 2008, с. 29]. Эта наука представлена в России школами этнолингвистики, лингвофольклористики и лингвокультурологии. Известны ленинградская (Н.И. Толстой), воронежская (Е.Б. Артеменко), курская (А.Т. Хроленко), петрозаводская школы этнолингвистики (З.К. Тарланов). Имеется богатый опыт изучения языка русского устного народного творчества (А.А. Потебня, Ф.И. Буслаев, А.П. Евгеньева, Н.И., С.М. Толстые, Е.Б. Артеменко, А.Т. Хроленко, З.К. Тарланов и др.). Расширяется практика изучения языка фольклора других народов. Например, исследованы язык эпоса нартов [М.А., З.Ю. Кумаховы], язык эвенского фольклора [В.Д. Лебедев], язык духовной культуры эвенов [А.А. Петров], язык якутского героического эпоса – олонхо [Л.Л. Габышева, П.А. Слепцов, Н.И. Филиппова, Е.Н. Избекова], язык бурятского фольклора [Б.Д. Цыренов], поэтика шаманских песнопений бурят [Л.С. Дампилова] и др.

Понятие «язык фольклора», по мнению И.А. Оссовецкого, весьма неоднородно и многогранно; оно включает в себе далекие друг от друга факты, «... все жанры фольклора объединяются тем, что они представляют собой образно-художественный аспект общенародного языка в его устном бытовании. Это дает возможность говорить об общих закономерностях развития языка фольклора» [Язык фольклора 2005, с. 144]. Исследованием взаимосвязи явлений языка фольклора с духовной, традиционной культурой народа занимается лингвофольклористика, составляющая органическую часть этнолингвистики. С помощью языковых данных исследователи устанавливают относительную хронологию элементов культуры. По их мнению, «конкретный язык как индивидуальное историческое явление принадлежит индивидуальной культурной системе, а потому изучаться он

должен во всей полноте своих жизненных проявлений, отношений и связей» [Хроленко, с. 15].

Исследование якутского языка на академическом уровне началось еще во второй половине XIX века, было связано с именем О.Н. Бетлингга [Бетлингк 1990]. Э.К. Пекарский составил фундаментальный словарь якутского языка [Пек., 1958-1959]. Проблема изучения исторической лексики и грамматики якутского языка впервые была поднята В.В. Радловым, работа которого заинтересовала многих исследователей [Радлов 1908]. Л.Н. Харитонов положил начало исследования якутского языка в широком сопоставительном плане с языками родственных народов [Харитонов 1947]. Гипотеза сохранения пласта языка хуннов в якутском языке смело была выдвинута Г.В. Ксенофонтовым [Ураангхай сахалар 1992]. Е.И. Убрятова подчеркивала своеобразие языка народа как исторический источник «по своей основной общественной функции – быть средством общения, мышления, формой накопления и сохранения опыта во всех областях деятельности народа, язык тем самым сопутствует народу на всем протяжении его исторического развития» [Убрятова 1985, с. 43]. Н.К. Антонов выявил унаследование общественно-политических терминов якутами с терминологии ранних государственных образований тюркоязычных народов степей Центральной Азии и выявил взаимосвязь якутских терминов с хуннскими, приводя в пример 75 якутско – венгерских лексических параллелей [Антонов, с. 128]. Г.В. Попов выяснил древнетюркские истоки происхождения у большинства корневых и неразложимых основ [Попов Г.В., 1986].

Проблемы и задачи лингвофольклористики на материале якутского фольклора впервые были поставлены академиком П.А. Слещовым. Ему принадлежит научное определение ее сущности как самостоятельной науки. Он предлагает под нее понимать «ту часть филологии, которая изучает лингвистическими методами язык фольклора, прежде всего, в функциональном и историко-генетическом планах с неизменным учетом специфики фольклорных произведений и в неразрывной связи с поэтикой фольклорного слова» [Слещов 191, с. 95]. Петр Алексеевич подчеркивает необходимость изучения лексики олонхо [Слещов 1989], выявляет семантико-стилистические особенности русизмов в языке якутского фольклора [Слещов 1990, с. 31-42]. Архаизмы в лексике фольклора он связывает с образной семантикой в языковом сознании носителей фольклорной традиции, предполагает, что «они в основном образовались путем замены семантически «затемненных слов» древних вариантов образными «эквивалентами» [Слещов 1989, с. 9].

Предметами исследования в языке якутского фольклора предстали структура и семантика собственных имен персонажей героического эпоса якутов – олонхо [Филишова 2000]. Изучена цветовая символика языка олонхо и объектом научного интереса впервые стало слово в контексте

мифопоэтической картины мира на материале языка и культуры у якутов [Габышева 1986, 2003]. Исследованы структура и семантика числительных в олонхо [Избекова 2000]. Предметом исследования стали лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов, рассмотрены их язык, стиль и поэтика [Ефимова 2004] и др.

В современных исследованиях по лингвофольклористике наиболее продуктивной считается методика кластерного анализа. Термин *кластер* кроме применения в терминологии технических наук активно употребляется в лингвистике и в психологии. Под *кластером* в лингвофольклористике предлагается понимать сегмент некоего информационного поля, «совокупность слов различной частеречной принадлежности, семантически и/или функционально связанных между собой, которые служат для репрезентации того или иного фрагмента картины мира» [Хроленко 2008, с. 161-163]. Кластерный принцип описания предполагает описание всех входящих в кластер слов с одновременным установлением связей каждой лексемы с другими словами, представляющими один фрагмент картины мира. За теми словами, которые входят в один кластер, стоят культурные концепты. На примере кластерного анализа можно выявить особенности этнического художественного мышления, мировидения, проследить процесс образования лексем и выявить этимологию слов. Актуальным на сегодня представляется исследование архаической лексики культово-обрядовой поэзии якутов с помощью кластерного анализа.

В языке алгыса саха (якутов) предлагаем выделить кластер «Дух-хозяин огня». Дух огня выступает основным символом в традиционной ~ фольклорной ~ мифопоэтической и языковой картине мира древних. Он считается самой близкой к человеку и очень грозной, почитательной силой у многих тюрко-, монголо-язычных народов Сибири. По данному кластеру в текстах алгыса якутов было обнаружено 218 лексем, составляющих 106 эпитетных конструкций. Из них по материалам словаря Э.К. Пекарского имеют тюркскую архаическую основу 43,6 % лексем. Монгольские параллели наблюдаются у 10,1 % слов, тюрко-монгольские истоки имеют 8,26 % слов. Также 2,3 % слов имеют тюрко-монгольско-маньчжурские и 2,75 % только монгольско-маньчжурские параллели. Значит, из 218 лексем кластера 146 (66,97 %) составляют архаический пласт язык фольклора. Рассмотрим некоторые из них.

Собственное имя Духа огня представляет собой сложное образование слов *Аан Уххан энэ* в значении 'Аан Уххан дедушка'. В якутском языке *аан* имеет широкое семантическое поле, как 'начало, первый, начальный; передовой, важный, первенец; предопределение, участь, судьба; вход, проход, отверстие, ворота, дверь; преддверие, придел' имеет специфическую особенность. Лексема образует сложные слова, усиливая их основные понятия [Пек., ст. 101-102]. Е.С. Сидоров приводит к якут. *аан* интересное лексическое схождение как санскр. *an* 'дыхание' [Сидоров 1997, с. 127].

Исходя из данного схождения, составное слово *аан дойду*, образованное из двух компонентов *аан* и *дойду*, имеющее лексикализацию, можно трактовать как 'обширное место, где можно «дышать»', т.е. где обеспечивается существование всего живого. По-видимому, составное слово *аан дойду* в языке фольклора употреблялось в значении 'макрокосм, вселенная, белый свет'. Если к *аан дойду* прибавляется лексема *ийэ* со значением 'матка, самка, родная мать, матушка, одна из ведущих свах; неводная мотня' [Пек., с. 906-908], тогда основное понятие составного слова *аан ийэ дойду* изменяется и при лексикализации получается совсем другое понятие 'часть вселенной – срединная земля'. Приводятся близкие к такому пониманию варианты, например, как *аан дойду // аан ийэ дойду* 'аан маңнайгы дойду, төрөөбүт дойду', *аан ийэ дойду* 'айыбы сирэ эбэтэр орто дойду (абааһы сириттэн арааран)' [Дапсы 2005, с. 27-28]. Далее, прибавив к предыдущему *аан дойду*, еще лексему *үрүт* в значении 'верхний; верхняя часть, верхняя сторона, поверхность; верх, вершина, крыша, кровля' [Пек., ст. 3182-3183], получается активно употребляемое в языке якутского фольклора сложное составное слово *аан ийэ дойду үрдэ* с более конкретной лексикализацией 'на поверхности срединной земли'. Лексема *аан* входит в состав имени духа огня *Аан Уххан*. *Аан уххан* переводится Э.К. Пекарским как 'на первых порах, первое всего, прежде всего'. Значение якут. *уххан* приводится как 'свежесть, недавность; близость прошлого (во времени)' [Пек., ст. 3101]. Допустим, что *аан* в данном случае употреблено в значении 'дыхание', тогда *Аан Уххан* можно было бы интерпретировать буквально как 'дыхание близкое'. В языке фольклора слова, иногда даже целые фразы, собственные имена не употребляются в прямом смысле. Обычно в них вкладывают сакральный подтекст, не очень понятный современному носителю языка. Древние якуты, по-видимому, под именем *Аан Уххан* воспринимали духа огня как *тыыны (олоһу) салһааччы, уһатааччы* 'зачинатель (или продолжатель) жизни', что соответствует практической значимости духа огня. Якут. *аан* в значении 'дыхание' можно причислить к семантическим архаизмам языка культово-обрядовой поэзии якутов.

В текстах алгысов Духа-хозяина огня иногда называют *Хатан тэмизрийэ*. В якутском языке *хатан* имеет несколько значений, такие как 'твердый, крепкий, прочный, твердой закалки, каленый; хрупкий, ломкий; звонкий'. Лексема имеет параллели как монг. *хатан* 'твердый', маньчж. *хатань* 'твердый, крепкий как сталь' [Пек., ст. 3399]. По фонетической схеме СГСГС якут. *хатан*, монг. *хатан* и маньчж. *хатань* имеют идентичную структуру. У них также не наблюдаются семантические сдвиги. Так, основное значение якут. *хатан* 'твердый, крепкий, прочный, твердой закалки' совпадает со значением монг. *хатан*, означающего 'твердый'. Маньчж. *хатань* 'твердый, крепкий как сталь' сохранило очень близкое к якут. *хатан* и монг. *хатан* значение. Якут. *хатан* считается монголизмом [Васильев 2007, с. 34]. Приводятся к нему несколько лексических схождений

как ст. монг. *хатазу* ‘твердый, крепкий’, санскр. *kathin* ‘твердый, крепкий’, кор. *катан* ‘ковкий чугу́н’, по семантике весьма близкие к якут. *хатан* [Сидоров 1997, с. 51; с. 129, с. 22]. Лексема имеет монголо-маньчжурские параллели, старо-монгольские, санскритские и корейские схождения. По-видимому, она имеет очень древние истоки происхождения и в языке фольклора якутов функционирует с давних времен. Вторая лексема *тэмиэрийэ*, возможно, образована от якутского глагола *тэмиэрий-* ‘взлетать’ [Пек., т. 2632] + *-э* > *тэмиэрийэ* ‘взлетающий’. Тогда *хатан* следует понимать как ‘твердый, крепкий, прочный’. Семантика *хатан* больше усиливается прибавлением слова *тэмиэрийэ* ‘взлетающий вверх’, выражающего основную сакральную функцию Духа огня. Он, по представлениям древних, является посредником между людьми, верхним и нижним мирами. Предки якутов всегда верили, что Дух-хозяин огня, взлетая выше, доносит их просьбы до культов поклонения. Исходя из таких соображений, нам представляется, что *хатан тэмиэрийэ* в значении ‘твердый, крепкий, прочный и взлетающий вверх’ является эпитетом, а не собственным именем Духа огня. В кластере «дух-хозяин огня» лексема *хатан* выступает вместе с другими словами, образуя другие варианты эпитетных конструкций. Например, встречается эпитет *хатан дьолуо*. Его переводят как ‘закаленное счастье’ [Пек., ст. 839]. Перевод не раскрывает семантику и природу самого могущественного и грозного духа у якутов – Духа огня. Лексема *дьолуо*, *дьулуо* ‘счастье, удача, ловкость, смелость; ловкий, крепкий’ считается образованной от якут. *дьол* ‘счастье’, заимствованного от монг. *дьол* [Попов 2003, с. 174]. Якут. *дьол* ‘благо, благополучие, блаженство, счастье, фортуна, удача (ср. *соргу*, *ыра*, *туску*, *талан*, *өрөгөй*; противоп. *сор*); добыча; сокровище’ кроме параллелей монг. *дьол*, бур. *зол* имеет тюркскую основу *јол*, *јул*, *чол*, *дьол*, *дьул* в значении ‘дорога, судьба, путь, улица, строка, ряд, пробор волос’, чув. *сіол* ‘дорога’ [Пек., ст. 838, ст. 2342]. В древнетюркском языке употреблялась лексема *јол* ‘дорога; дорога, нахождение в пути; путь, способ существования’ [ДТС, с. 270]. В современных тюркских языках сохранилось слово *дьол* в значении ‘путь, дорога; строка, линия, полоса; способ; правила, распорядок; обычай’ [ОРС, с. 56]. В языке олонхо воспевается *уруйдаах добун туйгун дьулуо мабан халлаан*, которое трудно переводится на русский язык ‘отменно благодатное счастливое (?) славное (?) победное (?) божественное (?) беспокойное белое или отменно благодатное, гладкое и чистое белое небо’ [Слепцов 1989, с. 13]. Возможно, якут. *дьолуо*, *дьулуо* в языке фольклора сохранило древнюю семантику от тюрк. *јол*, *јул*, *чол*, *дьол*, *дьул* > *дьол* (*дьул*)+(-*уо*) > *дьолуо*, *дьулуо* ‘путь, дорога’. Тогда *хатан дьолуо* можно воспринимать как ‘твердая, крепкая дорога’. Но семантике данного эпитета больше подходит значение ‘прочная дорога’, что соответствует мифологическим представлениям древних о духе-хозяине огня. Они его воспринимали как проводника их желаний, чаяний и просьб культам поклонения, считали «дорогой» между

ними и силами верхнего, нижнего миров. Якут. *дьолуо, дьулуо* в значении 'путь, дорога' можно считать семантическим архаизмом. Слово осталось и употреблялось лишь в эпитетных конструкциях языка культово-обрядовой поэзии. В поэзии шаманских камланий встречается эпитет *хатан суодуяа*. Якут. *суодуяа* [от *суодуй-* + (-а)] не имеет точных объяснений в словаре Э.К. Пекарского. Глагол *суодуй-* образован от *суо*. Якут. *суо* 'почтенный, солидный' употребляется только в языке фольклора в качестве постоянного эпитета, например, *суо хаан оһох* 'жаркий важный камелек' [Пек., ст. 2338]. Исходя из таких соображений, процесс образования *суодуяа* видится нам от *суо* в значении 'почтенный, солидный' > *суо* + (-дуй) > *суодуй* + (-а) > *суодуяа*. Тогда *хатан суодуяа* следует воспринимать как 'почтенная, солидная твердость и крепость'. Е.С. Сидоров приводит интересную параллель к якут. *суо* 'почтенный, солидный' санскр. *si* в значении 'высшая степень качества' [Сидоров 1997, с. 134]. Тогда якут. *суодуяа* следует понять как 'высшая степень почтенной, солидной твердости и крепости'. В языке якутских алгысов употребляется эпитет *хатан суоһуяа*. Лексема *суоһуяа* образовано, по-видимому, не от *суос*¹, а от *суос*², выражающего природу духа огня в сознании древних якутов как строгость, грозность и неприступность. *Хатан суоһуяа* предлагается воспринимать как 'твердая строгость, грозность и неприступность'. Значит, якут. *хатан* имеет монгольско-маньчжурскую параллель и следовало бы отнести его к лексическим архаизмам.

В текстах алгысов встречается эпитет *бэдэр бэргэһэ*, которого можно перевести как 'рысья шапка'. Якут. *бэдэр* 'рысь, животное' в словаре Э.К. Пекарского дается в сравнении с монг. и маньчж. *бэдэри* 'пестрины, пятна у зверей' [Пек., ст. 419]. Другая лексема данной эпитетной конструкции якут. *бэргэһэ* 'шапка' имеет не только тюркскую основу *бөрүк, бөрк* 'покрывало, крышка', возможно, образованное от др.тюрк. *börk* 'шапка' [ДТС, с. 118]. Также приводится якут. *бэргэһэ* параллель из монгольского языка в том же значении [Пек., ст. 434]. Эпитет *бэдэр бэргэһэ* в языке алгыса, наверно, употребляется не в прямом смысле 'рысья шапка', а в более архаичном отношении, помогая раскрыть образ духа огня. Тогда *бэдэр бэргэһэ* следует воспринимать как 'покрывало пестрое с пятнами как у зверей'. Данным эпитетом поэтически выражается образное восприятие духа огня, в основу которого лежат анимистические представления предков якутов. В современном якутском литературном языке у якут. *бэдэр* в значении 'рысь' произошел семантический сдвиг. Возможно, семантика 'пестрины, пятна у зверей' сохранилась только в языке алгыса. Якут. *бэдэр*, имеющее монгольско-маньчжурские параллели как монг. и маньчж. *бэдэри* 'пестрины,

¹ [ср. тюрк. *сус* 'луч солнечный'] пыл, горячность, жар, жара, высокая температура воздуха от нагревания солнца [Пек., ст. 2351]

² [ср. тюрк. *јауш* 'враждебный, сварливый'] строгость, гневность, страх, неприступность [Пек., ст. 2351-2352]

пятна у зверей' и *бэргэлэ* с тюркской основой *бөрүк*, *бөрк* 'покрывало, крышка', сохранившее монгольскую параллель и древнюю семантику, можно считать семантическими архаизмами.

В рассматриваемом кластере можно найти лексемы с тюрко-монгольско-маньчжурскими параллелями. Например, в алгысах активно включаются варианты эпитета: *түөнүл бөһө*, *түөнэ моһол*, *түүнүк бөһө*. Одним из составляющих этих вариантов является лексема *бөһө* в широком значении 'крепкий, твердый, сильный, мощный, могучий; непоколебимый, непреклонный; необоримый, сильный, силач; крепость, твердость, сила; рысь; росомаха', имеющее тюркскую основу *бэк*, вместе с тем монгольско-маньчжурские параллели *бэки* [Пек., ст. 514-515]. Э.К. Пекарским якут. *түөнүл=түөнэ* не было дано объяснений, лишь приведены близкие по значению составные слова: *түөнэ маһан түөрэх* 'светлая ворожба', *түөнэл ойуун* эпитет духа леса [Пек. ст. 2902]. Но, исходя из приведенной им тюркской основы *түн* со значением 'опрокидываться, перевертываться', можно вывести семантику якут. *түөнүл = түөнэ* 'перевертывающийся, превращающийся'. Возможно, от тюрк. *түн* 'опрокидываться, перевертываться' + аффикс (-э) было образовано якут. *түөнэ*, далее как вариант *түөнэ* с прибавлением аффикса (-л) было образовано *түөнэ+(-л) > түөнүл*. В современном якутском языке данные варианты самостоятельно не функционируют, их можно считать лексическими архаизмами, которые сохранились лишь в составе эпитетных конструкций алгыса саха. Выводя семантику *түөнэ = түөнүл* как 'перевертывающийся, превращающийся', можно понять эпитеты духа огня. Например, эпитет *түөнүл бөһө* следует воспринимать как 'перевертывающаяся, превращающаяся сила' или 'силач, имеющий крепкую, твердую, сильную, могучую подступь'. *Түөнэ моһол* следует понимать как 'перевертывающийся, превращающийся великан', где якут. *моһол* 'большой, великий; солидный, тучный, корпусный; монгол', имеющее такие параллели как осм. *моһол*, монг. «*моһол*», у афганских монголов *моһол* [Пек., ст. 1576]. Тюрко-монгольско-маньчжурскую параллель имеет якут. *хара*, входящее в состав эпитета духа огня *хара буруо*. Лексему *qara* в тюркских и монгольских языках исследователи считают номинацией отрицательных эмоций и различных негативных явлений как 'клевета', 'хула', 'грязь', 'дурной', 'злосчастный', 'мрачный', 'безотрадный', 'траур', 'злодеяние', 'мучительный', 'тягостный', 'порочный', 'преступный', 'скверный', 'коварный', 'зависть', 'сплетня' и т.д. Но они находят и другие метафорические значения *qara* как 'великий', 'главный', 'могучий', 'сильный', 'грозный' и 'страшный' [Габышева 2003, с. 17; с. 21]. Якут. *хара* 'черный, темный, смуглый; темношерстистый (о звере); черновое письмо, черновик; черный предмет, чернота; неясно выступающий на вид предмет, неказистый на вид, черный, простой, обыкновенный' имеет тюркскую основу *кара* 'черный, черный предмет, дурной, злой, гадкий, низкий, несчастный, простой, не принадлежащий к высшим классам, простолюдин, народ, чернь,

скот, нечистота³. Тюрк. *кара*, по-видимому, основано от слияния др.тюрк. *qara*³ и от *qara*⁴. Лексема *хара* в якутском языке сохранила более широкое поле значений, чем ее параллели как бур. *kara, хара* ‘черный, темный’, монг. «*хара*», маньчж. *кара* ‘чисто черный и лоснящийся цвет, вороной (лошадь)’ [Пек., ст. 3329]. Якут. *хара* в составе эпитета *хара буруо*, возможно, употреблялось в качестве усиливающего характеристику метафорического значения ‘сильный; грозный; страшный’. Лексема *буруо* [ср. алт. *пур* ‘пепель’] в якутском языке имеет также несколько значений ‘дым; пар, дым, чад; дым, жилия юрта’ [Пек., ст. 3332]. Якут. *буруо* в эпитете *хара буруо* выполняет функцию основного носителя семантики. Вот потому эпитет не следует перевести на русский язык как ‘черный дым’. Исходя из метафоричности языка культово-обрядовой поэзии якутов, следует его воспринимать как ‘страшный пепел’, что соответствует главной предназначенности огня, если использовать его как в другом контексте. Огонь давал людям не только свет, тепло, но имел страшные последствия, особенно при исключительных случаях, например, как молния, пожар и разрушения. Якут. *буруо* со значением ‘пепел’ можем отнести также к лексическим архаизмам.

В алгысах встречается эпитет *чуоһур сото*, в котором лексема *чуоһур* имеет тюрко-монгольско-маньчжурскую параллель. В якут. *чуоһур* сохранилась основная семантика тюрк. *чокур, чоккыр, сокыр, соккыр* ‘пестрый, пегий’. Лексема имеет параллели бур. *сокур, сохор, уохор* ‘пестрый, чубарый’, монг. «*чокур*», «*чокур*» ‘пестрый, пелесый’, маньчж. *чохоро* ‘пестрый, чубарый’ [Пек. ст. 3688]. Второе слово эпитета *сото* ‘голень, берцо, лытка; нижняя половина задней ноги животного, голень; большая берцовая (голенная) кость (= *сото унуоһа*)’ образовано от тюрк. *јода, јодд* ‘нижняя часть ноги’, *јода, јодо* ‘верхняя часть ноги’ [Пек., ст. 2293]. Эпитет *чуоһур сото* букв. ‘пестрая голень’, по-видимому, употреблялся для образной характеристики, описания духа-хозяина огня в метафорическом значении. Такая сложная эпитетация, сформированная из архаизмов, употреблялась для более детальной, тщательной характеристики духа огня. По-видимому, она носила не только изобразительную функцию в языке культово-обрядовой поэзии якутов, но сохраняла ее сакральный код.

Довольно часто в эпитетике алгыса встречается целое выражение *уөл мас үтэлээх, аһаах мас аһылыктаах, кураанах мас курумнаах* ‘с поддержкой со здоровых дров, с топкой из гнилых дров, с сажой из сухих дров’. Удивляет тот факт, что из семи слов выражения основное слово – якут. *мас* в значении ‘дрова’ имеет параллель с тунг. *мо* [Пек., ст. 1431]. Лексемы *аһаах, аһылык,*

³ ‘черный, темный; лишенный света, погруженный во мрак; злосчастный, злополучный; плохой, скверный; обыкновенный; грязь; чернила, тушь’ [ДТС, с. 423]

⁴ ‘масса, толпа; простой люд, чернь; подданные правителя; народные массы, народ’ [ДТС, с. 423]

кураанах, *курум* являются словами тюркского происхождения. Якут. *аһаах* в значении ‘сырой, влажный, гнилой’ имеет тюркскую основу *сасы* ‘быть гнилым’ [Пек., ст. 172]. Лексема *аһылык*, образованная от глагола *аһаа-* в значении ‘есть, кушать, вкушать, съедать, поедать, признавать годным в пищу, пить, кормиться, питаться чем’, имеет также основу тюрк. *аша*, *аса* [Пек., ст. 178, 168]. Якут. *кураанах* образовано от *куур-* [ср. тюрк. *куру*] ‘сохнуть, высыхать’ [Пек., ст. 1242, 1240]. Якутское слово *курум* имеет два значения, из них в данном выражении подходит *курум* в значении ‘сажа, копоть’, имеющее параллель из киргизского *курум* ‘сажа, копоть’ [Пек., ст. 1253]. В якутском языке данное значение давно утеряно. Слова *уөл*, *үтэ* являются словами, имеющими тюрко-монгольские параллели. Якут. *уөл*, употребленное в значении ‘здоровое’, сопоставляется с тюрк. *өл*, *өөл*, *үүл* ‘мокрый, сырой, влажный’ и монг. *үл* ‘пища, жизненные припасы’ [Пек., ст. 3138], *үтэ* ‘пищевая поддержка в дороге, дорожный запас’ дается с такими параллелями как тюрк. *үдэ* ‘отдых’ (днем в дороге), монг. *үде* ‘полдень’, *үделе-* ‘полдничать’ [Пек., ст. 3192]. Данное выражение выступает постоянным эпитетом духа огня в алгысах.

Тюрко-монгольские народы с древних времен поклонялись огню. Дух огня предстал перед ними в образе женщины. Монголы величали ее *Матерью Ут* ‘царицей огня’. Приведем эпитет духа огня у монголов, который в семантическом плане очень близок к якутскому выражению *уөл мас үтэлээх*, *аһаах мас аһылыктаах*, *кураанах мас курумнаах* ‘с поддержкой со здоровых дров, с топкой из гнилых дров, с сажой из сухих дров’, выступающему в качестве постоянного эпитета. Например, монголы воспевали царицу огня ‘созванная из дерева ильма, растущего на вершинах гор Хангай хана и Бурхату хана’ [Банзаров 1846, с. 37]. Выражение якутов *уөл мас үтэлээх*, *аһаах мас аһылыктаах*, *кураанах мас курумнаах* ‘с поддержкой со здоровых дров, с топкой из гнилых дров, с сажой из сухих дров’ как в изобразительном, так и в семантическом плане выступает очень близким аналогом эпитета *Мать Ут* ‘царицы огня’. Образ духа огня раскрывается у монголов с помощью эпитета, связанного с деревом ильма, а у якутов – с дровами. Следующим примером можно привести близкую семантику некоторых эпитетов. Так, у якутов эпитет *хатан тэмизрийэ* можно интерпретировать как ‘твердый, крепкий, прочный и взлетающий вверх’. Монголы, обращаясь к царице огня, говорили: «...*мать Ут*, всегда *взирающая вверх*...» [Банзаров с. 37; Ястр., с. 197]. В обоих примерах дух-хозяин огня воспевается как взлетающий или взирающий вверх к божествам – культам поклонения. Хакасские шаманы обращались к нему «*Отыс тиллиг От инее*, *Отыс тистиг От инее*» ‘тридцатизычная мать – огонь, сороказубая дева – мать’. Он представлялся им как женщина, ее воспевали «*Синнең улуг хан чох*, *Синнең улуг тиг чох*» ‘старше тебя нет хана на свете, могущественнее тебя нет бега на свете’ [Бутанаев 2006, с. 223-226]. В поэзии алгышей тувинских шаманов духа огня призывают «*Ты – огонь*, *Ты – творец*, *Ты –*

божество добро, Вид твой величавый, когда ты горшишь золотом» [Кенин-Допсан 2007, с. 79]. Поэзия шаманских камланий тюрко-язычных народов (хакасов, тувинцев) лишена образной, сложной эпитетации Духа огня как у якутов и монголов.

Древние якуты под именем *Аан Уххан* представляли Духа огня как *тыыны (олоһу) салһааччы, уһатааччы* ‘зачинатель (или продолжатель) жизни’, что соответствует его практической значимости и предназначённости. Нам представляется, что *хатан тэмизрийэ* в значении ‘твёрдый, крепкий, прочный и взлетающий вверх’ является эпитетом, а не собственным именем Духа огня. Эпитетация алгысов в структурном плане сложная, сформирована она из архаизмов, употреблялась для более детальной, тщательной характеристики одного из самых грозных и уважаемых культов поклонения древних. По-видимому, она носила не только изобразительную функцию, но и сохраняла сакральный код культово-обрядовой поэзии якутов.

Кластер «Дух-хозяин огня» состоит из архаизмов, имеющих тюркские основы, также тюрко-монгольские, тюрко-монголо-маньчжурские и монголо-маньчжурские параллели.

Таким образом, на основе кластерного анализа архаической лексики алгыса саха (якутов) можно констатировать, что эпитетация Духа огня у якутов в изобразительном и семантическом плане восходит к обрядовой поэзии тюрко- и монголо-язычных народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1971. 175 с.
2. Банзаров Д. Чёрная вера или шаманство у монголов. Казань, 1846. 68 с.
3. Бетлингк О.Н. О языке якутов. / пер. с нем. Рассадин В.И. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1990. 646 с.
4. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан; изд-во Хакасского университета им. Н.Ф. Катанова, 2006. 254 с.
5. Васильев Ю.И. Якутско-монгольские лексические параллели; словарь. Якутск: Компания «Дани Алмас», 2007. 40 с.
6. Габышева Л.Л. Семантические особенности слова в фольклорном тексте (на материале якутского эпоса – олонхо). Автореф. дисс... к.филол.н. М., 1986. 19 с.
7. Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов). Автореф. дисс... д.филол.н. М., 2003. 44 с.
8. Дапсы – Алексеев М.П. Саха тылын үйэлээх үгэһин тылдьыта (Вековые традиции языка саха). На якутском языке. Дьокуускай; Бичик, 2005. 272 с.
9. Древнетюркский словарь. Л.: изд-во «Наука». Ленинградское отделение, 1969. 676 с.
10. Ефимова Л.С. Лексико-стилистические особенности языка хороводных песен якутов. Автореф... к.филол.н. Якутск, 2004. 21 с.
11. Избекова Е.И. Числительные в олонхо: структура и семантика. Автореф. дисс... к.филол.н. Якутск, 2000. 20 с.
12. Кенин-Допсан М.Б. Алгышы тувинских шаманов. Якутск: Бичик, 2007. 206 с.

13. Ксенофонов Г.В. Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов. В 2 томах. Якутск: нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 416 с.
14. Ойротско-русский словарь. Горно-Алтайск: изд-во «Ак Чечек», 2005. 316 с.
15. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. В 3 томах. Л.: АН СССР, 1958-1959. 3858 ст.
16. Попов Г.В. Слова неизвестного происхождения (сравнительно-историческое исследование). Якутск: книжное изд-во, 1986. 148 с.
17. Попов Г.В. Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 180 с.
18. Радлов – Radloff W. Die jakutisch Sprache in ihrem verhalthisse zu den Tusprachen. St. P., 1908.
19. Сидоров Е.С. Якутские лексические схождения. Якутск: изд-во Якутского госуниверситета, 1997
20. Слепцов П.А. Язык олонхо: лексика, семантика // Якутский язык: лексикология, лексикография. Сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1989. С. 5-23.
21. Слепцов П.А. Якутский литературный язык: формирование и развитие общенациональных форм. Новосибирск: Наука, 1990. 277 с.
22. Слепцов П.А. Лингвофольклористика: проблемы и задачи (на материале якутского фольклора) // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока. Сборник научных трудов. Якутск: ЯИЯЛИ СО РАН, 1991. С. 95-102.
23. Убрятова Е.И. Историческая грамматика якутского языка. Якутск: изд-во Якутского университета, 1985. 60 с.
24. Филиппова Н.И. Собственные имена персонажей в якутском эпосе олонхо: структура и семантика. Автореф. дисс... к.филол.н. Якутск, 2000. 22 с.
25. Харитонов Л.Г. Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. Якутск: гос. изд-во ЯАССР, 1947. 312 с.
26. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. Учебное пособие. М.: Флинт: Наука, 2008. 184 с.
27. Язык фольклора. Хрестоматия. М.: Флинта: Наука, 2005. 224 с.

REZUME

Efimova L.C. (Saha)

ALGYS SAHA (YAKUTS): ARCHAIC LEXICON (on a basis klaster «Spirit-owner of fire»)

The author in article does klaster the analysis archaic to lexicon “Algys Saha” (Yakuts).